Wiener Slawistischer Almanach 54 (2004) 291-308

Илья Утехин

К СЕМИОТИКЕ СТРАСТЕЙ КОММУНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

> Параноическая природа детских страхов Зощенко (автора-героя «Перед восходом солнца») как бы заранее сделала его идеальным писателем на «советскую», в частности, – «коммунально-квартирную», тему подавления личности. Востребованные действительностью, которая не замедлила оправдать самые худшие опасения, зощенковские неврозы обеспечили ему глубокую созвучность эпохе; воплощение, казалось бы, сугубо личных, но в то же время архетипических экзистенциальных травм обернулось верным портретом исторического момента. Зощенко оказался подлинным классиком советской литературы, но не столько как сатирик-бытописатель советских нравов, сколько как поэт страха, недоверия и амбивалентной любви к порядку.
> (Жолковский 1999, 309)

Эта статья – про востребовательность действительностью советской культуры определенного рода неврозов и про то, как это отражается в текстах. Коммунальная квартира (ниже – КК) как тип жилища и специфический способ организации быта видится сегодня квинтэссенцией советского образа жизни и может служить ключом к стереотипам мысли и поведения советского человека. Человеку не советскому (иностранцу) или уже не вполне советскому (представителям молодого постперестроечного поколения), выросшему в условиях квартиры, в русском языке все еще, по контрасту с квартирой коммунальной, называемой «отдельной» – и оттого не причастному тем практикам человеческих отношений, которые обычно складываются в коллективе коммунальных соседей, – такому человеку коммуналка со всеми ее особенностями кажется экзотикой. Про бывшую советскую и отчасти еще теперешнюю русскую коммуналку снимают документальные фильмы, сочиняют книги или главы книг, а западные журналисты пишут статьи. Лейтмотив этих статей – удивление перед загадочной русской душой, примиряющей в себе контрасты действительности и смиряющейся с повседневной жизнью в отсутствие приватности.

Наиболее эффектно и провокационно абсурдный и экзотический мир коммуналок выражен в целом ряде произведений концептуального искусства, созданных Ильей Кабаковым. В глазах знакомого с этими инсталля-

циями случайного посетителя коммунального жилья уже не инсталляция Кабакова выглядит как построенная из фрагментов коммунальной реальности, а, наоборот, реальная коммунальная квартира, в которую довелось попасть, выглядит как бледная тень инсталляции. Мы не будем касаться природы эстетического эффекта, производимого кабаковскими инсталляциями; заметим только, что материалы, их составляющие, обладают высокой степенью достоверности, чуть ли не этнографичностью,[1] а потому могут быть использованы и в довольно неожиданном качестве. Будучи изначально поставлены в эстетическую рамку, проходя по разряду искусства, они рассчитаны на целостное впечатление и интуитивное постижение зрителем; между тем, аналитик коммунальной души не только увидит в экспонатах чаемые им глубины, но и сможет найти слова, чтобы описать эти глубины при помощи своего метаязыка. Ниже мы будем систематически ссылаться на материалы И. Кабакова наряду с нашими собственными, обращаясь к проблематике порядка и справедливости в КК, а также в разговоре о характерной для коммунального человека патологической подозрительности, в том числе и об опасениях коммунальных жителей, связанных с посещением гостей. Отметим, что эти темы, как это убедительно показано А. Жолковским (Жолковский 1999), занимали важное место среди мотивов, пронизывающих творчество М. Зощенко.

Совместное проживание нескольких не связанных родственными узами людей в одной квартире, вообще говоря, вовсе не редкая ситуация, отнюдь не специфичная для советского общества. Общежитие студентов, коммуна или киббуц, квартира, где у хозяина несколько жильцов нанимают комнаты, барак – все это явления, до некоторой степени схожие с коммуналкой, но ей неравнозначные. Так, скажем, коммуна (и квартира, которую вскладчину снимают несколько студентов) есть добровольное объединение – тогда как в коммуналку люди попадают не по своей воле и уж во всяком случае не имеют возможности выбирать соседей. Кроме того, студенческое общежитие гомогенно в отношении возрастного и социального состава, что практически не встречается в коммуналках, где иногда – в квартирах небольшого размера или в ведомственных домах – может присутствовать лишь социальная гомогенность. Вообще же, чем больше квартира, тем разнообразней состав жителей.[2] Однако самый, пожалуй, важный признак КК позволяет понять, почему не была коммунальной, например, квартира, в

---

1 Материалы, собранные нами в ходе полевой работы в больших коммунальных квартирах Петербурга в конце XX века, тому свидетельство. Впрочем, это понятно любому выросшему в СССР.

2 Отсюда распространенный журналистский ход: «в настоящей коммунальной квартире обязательно есть» и далее более или менее красочно описываются персонажи. Ср. прекрасное эссе Льва Рубинштейна, включающее пассажи, построенные по этому принципу (Рубинштейн 1998).

которой проживал Макар Девушкин: она и подобные ей принадлежали владельцу, жившему или не жившему там же, но все равно определявшему состав жильцов и следившему за порядком. Поскольку такого источника порядка в лице владельца нет в квартире, принадлежащей государству, а есть только от имени государственной власти написанная инструкция о порядке в квартирах, то и решение спорных вопросов, и контроль за соблюдением правил ложится на сам коллектив жильцов, который, правда, выбирает для выполнения этих надзирательских над собою функций и для связи с жилищной администрацией т.н. «квартуполномоченного» из числа жильцов квартиры.[3]

Жизнь всегда оказывается богаче правил и предписаний, так что официальная инструкция никогда не бывает достаточно детальна, чтобы служить непосредственным руководством к действию в конкретных условиях конкретной квартиры и сложившихся в ней отношений. Кроме того, правило не самодостаточно: оно требует объяснений, в каких случаях и как его применять, и собственно механизма применения. Потребность дополнить правила, обратиться от имени общественного мнения квартиры к отдельным систематическим нарушителям вызывает к жизни самодеятельные рукописные правила и объявления, вывешиваемые в КК. Инструкции, расписания (например, расписания дежурств, уборки, пользования ванной) и разного рода объявления вывешиваются на стенах и дверях мест общего пользования. Этот жанр наивной письменности подражает – в поисках авторитета – инструкциям официальным и в то же время предполагает своеобразную художественность и экспрессию слога, служащую не только заявляемой жанром непосредственной цели, но и самовыражению автора. Интересно, как средства анонимизации власти используются как ход в игре личных отношений внутри квартиры.

Рассмотрим три примера из одной петербургской квартиры, относящиеся к 2001 году, когда практика вывешивания инструкций и пространных объявлений уже перестала быть широко распространенной, а упавшая плотность населения в квартире давно уже позволяла обходиться без расписаний пользования ванной. На кухне этой квартиры – то есть там, где вывешиваются самые важные сообщения, которые обязательно должны попасться на глаза всем жильцам – имеются рукописные «Правила» следующего содержания:[4]

---

[3] В последние десятилетия двадцатого века назначения квартуполномоченных стали редкостью, потому что зачастую никто не хотел брать на себя эти функции. Тем показательнее процессы самоорганизации коллектива жильцов КК.

[4] Впервые опубликованы (без комментария) в Утехин 2004, 232.

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ

С 7 часов утра и до 23 часов вечера соблюдать ТИШИНУ.
В дневное время не включать громко музыку и телевизор, только чтобы самим было слышно, а не соседям.
После 23 ч. *не стирать* и *не мыться* в ванной.
Умыться в ванной до 23 час. После 23 час. умываться в кухне.
После мытья в ванной ВЫМЫТЬ обязательно после себя ванну со стиральным порошком и ополоснуть ее ДУШЕМ!!!
После мытья в ванной вытереть пол.

ОБ УБОРКЕ

ДОБРОСОВЕСТНО вести уборку в соответствии с расписанием:
ЕЖЕДНЕВНО прополаскивать тряпку и класть ее на резиновый коврик в прихожей.
Подметать полы.
КАЖДЫЙ ДЕНЬ чистить раковину в КУХНЕ.
ОДИН РАЗ чистить раковину в ВАННОЙ *в среду* или *четверг* и *2-й раз при сдаче* уборки.
Унитаз тщательно чистить один раз при сдаче уборки, но, если грязно, то почистить в среду или четверг, вобщем по мере загрязнения, чтобы унитаз всегда был чистый. И после пользования унитазом убирать за собой.
ПОЛЫ МЫТЬ ВЕЗДЕ: 1) в кухне 2) ТУАЛЕТЕ 3) ВАННОЙ 4) прихожей 5) в коридоре.
При мытье ванной убирать стулья и мыть под ними.
Мыть деревянную решетку. Вымытую решетку ставить к стене. И мыть пол во всей ванной и под табуреткой тоже.

Квартуполномоченная Лукова С.Е.

Примечательно уже самое начало этого текста: первым пунктом идет требование соблюдать тишину днем (с 7 утра до 11 вечера), то есть как раз в тот период времени, который в этом отношении не регламентируется официальной инструкцией. В разных версиях официальных «Правил пользования жилым помещением» требование соблюдать тишину зафиксировано ровно теми же словами, но применительно к остальной, ночной, части суток (с 23.00 до 7.00). Поскольку же и самая эксплицитная формулировка может вызывать разночтения (в данном случае – что такое эта выделенная прописными буквами «тишина»), пункт второй объясняет, что имеется в виду (не включать громко музыку).

Разобравшись с шумом в дневное временя, С.Е. Лукова в пунктах 3 и 4 вроде бы немотивированно переходит к теме пользования ванной комнатой, однако на самом деле она продолжает говорить о том же самом, о тишине, дополняя и конкретизируя официально признанную норму (запрет шуметь

по ночам). Как мы можем понять из контекста (в частности, из объявления, висящего в ванной), провозглашаемый в «Правилах» запрет на умывание в ванной после 23.00 вызван именно тем обстоятельством, что идущий в ванну неизбежно шумит и тем самым нарушает покой живущих за стенкой (собственно, С.Е. Луковой).

Далее в пунктах 5 и 6 к заботе о порядке прибавляется забота о чистоте, чему посвящен также и раздел «Об уборке». Подробный перечень действий, предписанных дежурному, включает в себя выделенные прописными буквами и курсивом детали, наводящие на мысль о том, что некоторые действия, ожидаемые от дежурного, требуют специального указания: так, для кого-то не разумеется само собой, что нужно мыть пол «и под табуреткой тоже». Подобным же образом пункты 4 и 5 раздела «Об уборке» требуют от дежурного чистить раковину и унитаз не один раз за все дежурство, перед сдачей уборки в воскресенье (что, по-видимому, разумеется само собой), а хотя бы еще один раз в неделю.[5] Хотя составившая эту инструкцию квартуполномоченная нигде не указывает, кто конкретно из соседей не соблюдает тишину и плохо выполняет свои обязанности по коммунальной уборке, имеются в виду вполне конкретные лица.[6]

Объявление же на внутренней стороны двери ванной комнаты напоминает, в сущности, о том же самом, что сказано в инструкции на кухне, но содержит дополнительные объяснения:

> В коммунальной квартире с 23 ч. вечера до 7 час. утра полагается соблюдать тишину.[7]
> Поэтому просьба после 23 час. вечера не мыться и не стирать, поскольку в комнате, прилегающей к ванной не капитальная стена. И потому слышен плеск воды при полоскании белья, стук тазом, а закрываемая задвижка звучит, как выстрел в ночи, слышно щелканье выключателя.
> И умыться можно до 23 час.
> После мытья в ванной следует стиральным порошком вымыть ванну и ополоснуть душем и вытереть пол!

---

5 О коммунальной уборке, обязанностях дежурного, определении очередности и процедуре переходя очереди от одного жильца к другому («сдача дежурства») см. Утехин 2004, гл. 4.

6 Объявления, адресованные конкретным нарушителям, – другой жанр, также встречавшийся в КК, ср. у И. Кабакова: «Снегирева! Закрывайте дверь, когда выходите из уборной. Никому не интересно дышать вашим «...» [подпись:] Жильцы» (Кабаков 1993, 162).

7 Ср. первый пункт вышеприведенных «Правил». Получается, что тишину в квартире следует соблюдать круглые сутки. Обратим внимание на разницу в категоричности: «Правила», имитирующие официальный документ, содержат строгое предписание по поводу вполне произвольно устанавливаемого правила; в объявлении же напоминается общеизвестная норма.

Дополнительные разъяснения, которые приводит автор объявления, по сути, являются жалобой на собственное бедственное положение и апеллируют к чувствам читателя. Ведь ни в каких официальных правилах запрет мыться в ванной по ночам не может быть зафиксирован, это чистая самодеятельность, а потому «не мыться и не стирать» после 23.00 может быть только просьбой, но никак не предписанием. Таким образом, мольба прикрывается видимостью предписания, впрочем, не выдерживая этой видимости последовательно: объяснение (от «поскольку» и до конца абзаца) принадлежит другому жанру.

Подробности же вроде того, что мыть ванну следует стиральным порошком, а ополаскивать – душем, могли бы, видимо, быть умножены, потому что вообще конкретизация мелочей жизни потенциально бесконечна. Например, можно упомянуть, чем нельзя мыть ванну. Если не порошком, то чем еще кто-то мыл? И действительно, в той же ванной комнате на стене имеются следы содранной оттуда инструкции, содержащей еще более детальные пояснения об уборке в ванной – в частности, перечисление моющих средств, которые *не* должны применяться при уходе за ванной.

Внешне в таких указаниях, данных в виде инструкции, нет ничего личного, но на самом деле они показывают, какие мелочи уже вызывали конфликты и затронули отношения между участниками сообщества. Так что заявленные темы правил и объявления – тишина и чистота[8] – скрывают за собой, во-первых, стремление к порядку, а во-вторых, указывают на потенциальные источники скандала. Порядок (тот самый, к которому, по удачному выражению А. Жолковского, советский человек испытывает «амбивалентную любовь») здесь не только порядок чистоты и удобства, но порядок справедливости и равенства, ибо каждый, по справедливости, должен вносить в том числе и в коммунальную уборку свой вклад, не меньше других. Если одни (претендующие на властные полномочия, т.е., фактически, на право толкования правил общежития) моют пол под табуреткой, то и другие должны это делать. Как мы попытались показать (Утехин 2001), всеобщая озабоченность справедливостью распределения ресурсов и усилий – важнейший регулирующий фактор коммунальной повседневности. Наиболее яркие примеры этой озабоченности касаются распределения затрат на электроэнергию; кстати сказать, у М. Зощенко эта тема отражена не только в знаменитой детали – вывинчивании за собой лампочек (рассказ «Гости»), но и в целиком посвященном электричеству рассказе «Летняя передышка» (1929). Там рассказчик мечтает, что жизнь в наших квартирах «засияет как солнце», когда у каждого жильца будет свой

---

8 Ср. также у И. Кабакова (Кабаков 1993, 166) от лица официальной инстанции: «ВНИМАНИЕ! ТОВ.ЖИЛЬЦЫ! Соблюдайте ТИШИНУ И ЧИСТОТУ после 10 часов вечера! [подпись:] Правление ЖЭКа»

счетчик. Пока же счетчик один на всех, что создает неудобства и проблему справедливого подсчета. Показательно, что в условиях КК установление справедливости неизбежно предполагает вторжение коллективного контроля в приватную сферу участника сообщества: сколько у кого лампочек, есть ли у кого-то электроутюг (и если да, то сколько времени в день он им пользуется), не кипятит ли кто на вилке кипяток.[9] В рассказе один из жильцов «буквально свихнулся на этой почве», добиваясь установления досконального контроля за каждым соседом. Когда этого свихнувшегося соседа «не стало» и контроль исчез, «началась форменная вакханалия». В конце концов вместо прежних двенадцати рублей в месяц «докрутили счетчик до тридцати восьми рублей, тогда пришлось прекратить энергию», потому что «все отказались платить». Так и остались, благо пока не наступила зима, без электричества, но зато в полном и справедливом равенстве (в чем, собственно, и заключается «летняя передышка»). Заметим, что ситуация, когда «все отказались платить» и в результате оказались лишены какого-либо очевидного удобства, в КК нередко бывает спровоцирована уже тем, что отказывается платить кто-то один.

Стоит добавить, что чаемое героем-рассказчиком «Летней передышки» светлое будущее не наступило, да и не могло наступить с эпохой индивидуальных счетчиков, потому что в любом случае оставалось освещение мест общего пользования, расходы на которое приходилось делить между жильцами. Альтернатива такому разделению – индивидуальные лампочки жильцов в туалете и на кухне вместо одной общей лампочки – не очень удобна и тоже создает проблемы. Именно поэтому особо подозрительные граждане вывинчивали за собой лампочки: в отсутствие хозяина кто-то, в принципе, мог бесконтрольно пользоваться его электричеством. Показательно, что жаркие споры и мордобой возникали при делении суммы «общего пользования» скорее из соображений чистой справедливости, нежели из соображений материальных, ведь речь шла об очень незначительных, копеечных суммах.

Наш третий пример творчества квартуполномоченной Луковой иллюстрирует боязнь кражи и проникновения в квартиру чужих людей. Цитируемое ниже объявление висит при входе в квартиру, на внутренней стороне входной двери:

Это преступление против всех жильцов квартиры НЕ ЗАКРЫВАТЬ ДВЕРЬ на верхний замок в нашем БАНДИТСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ!!!

---

9 В отсутствие специальных кипятильников были распространены нехитрые способы подогревания воды при помощи двух вилок или двух бритвенных лезвий, подключенных к проводам.

> Нижний замок можно открыть гвоздем.[10] Как можно забыть закрыть дверь на верх. замок!!! И когда ходите на помойку обязательно закрывайте на верхний замок (см. иллюстрации).

Здесь мы видим уже знакомые составляющие: нарушение порядка одним беззаботным жильцом грозит вредом всем соседям («преступление против всех жильцов квартиры»). Заметим, что в советские времена иногда встречались квартиры, где замок на входной двери, разумеется, был, но дверь закрывалась на замок только в вечернее и ночное время. Многочисленность соседей виделась гарантией того, что злонамеренный чужак не посмеет войти в квартиру, ведь ему не удастся проникнуть незамеченным: незнакомца обязательно спросят, куда и к кому он направляется. Незнакомец, способный дать ответ на такой вопрос – гость.

Впрочем, коммунальное сознание и своих, и тем более чужих гостей тоже заранее склонно считать опасными. Злонамеренность гостю может приписывать принимающий его хозяин – скажем, полагать, что гость желает что-нибудь стащить или наесться до отвала за хозяйский счет (оба мотива представлены у М. Зощенко). Однако для коммунального коллектива гости, приходящие к кому-либо из соседей, в принципе подозрительны, ибо гость опасен по определению: во-первых, он не связан с сообществом тесными узами, а во-вторых, он не вполне осведомлен о правилах поведения, специфичных для этой конкретной квартиры, и не владеет топографией – попросту не в курсе, где чьи вещи лежат. Поэтому естественно подозревать его в том, что, оказавшись в затруднительном положении, он ничуть не затруднится взять чужое мыло или вытереться чужим полотенцем, а то и сушащейся тут же простыней. Ср. из «Объявлений на кухонных стендах» (Кабаков 1993, 160):

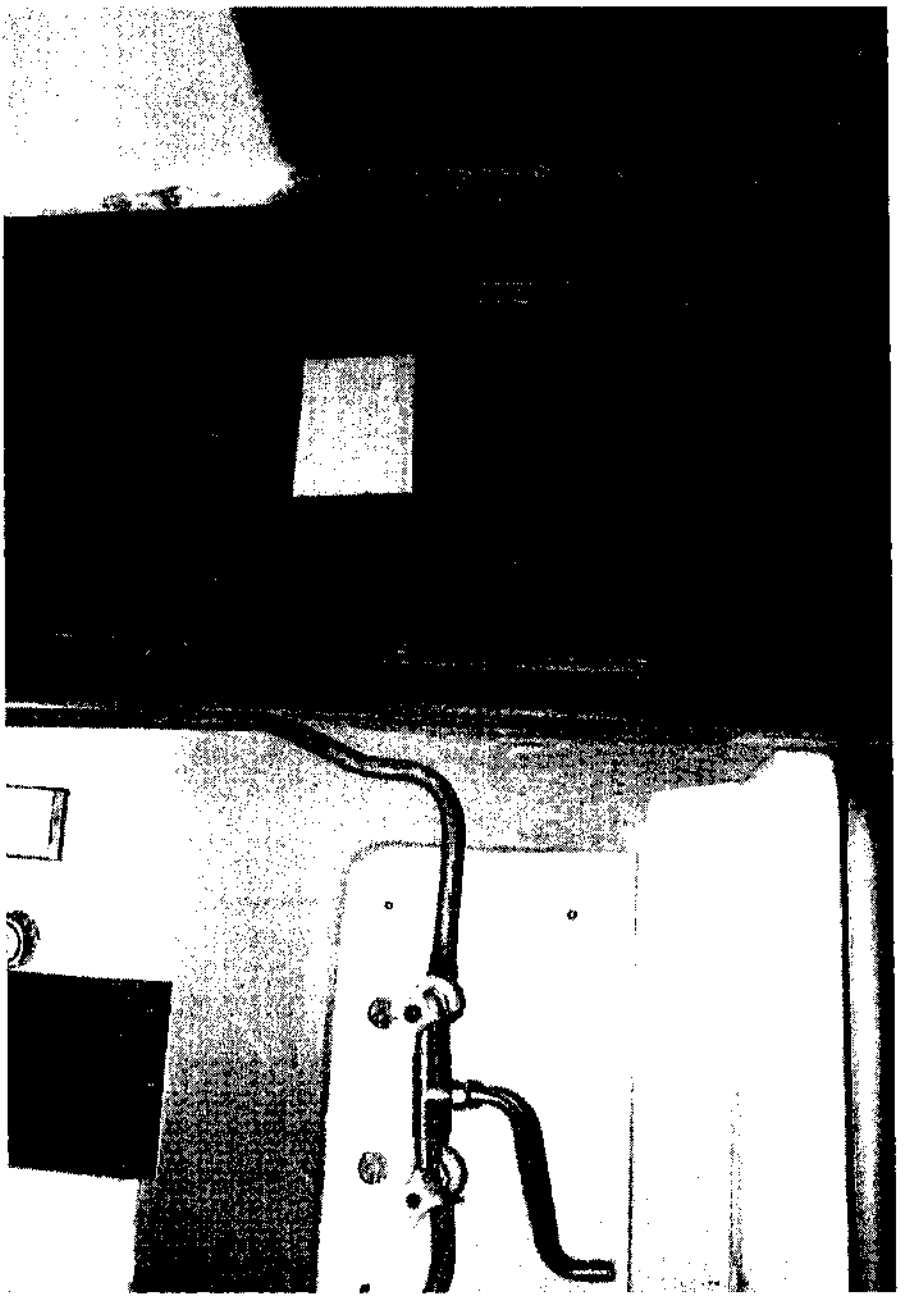
> ВНИМАНИЕ! Просьба следить за своими гостями и не позволять вытираться им ЧУЖИМИ ПОЛОТЕНЦАМИ в ванной.
> [подпись:] Жильцы кв.18

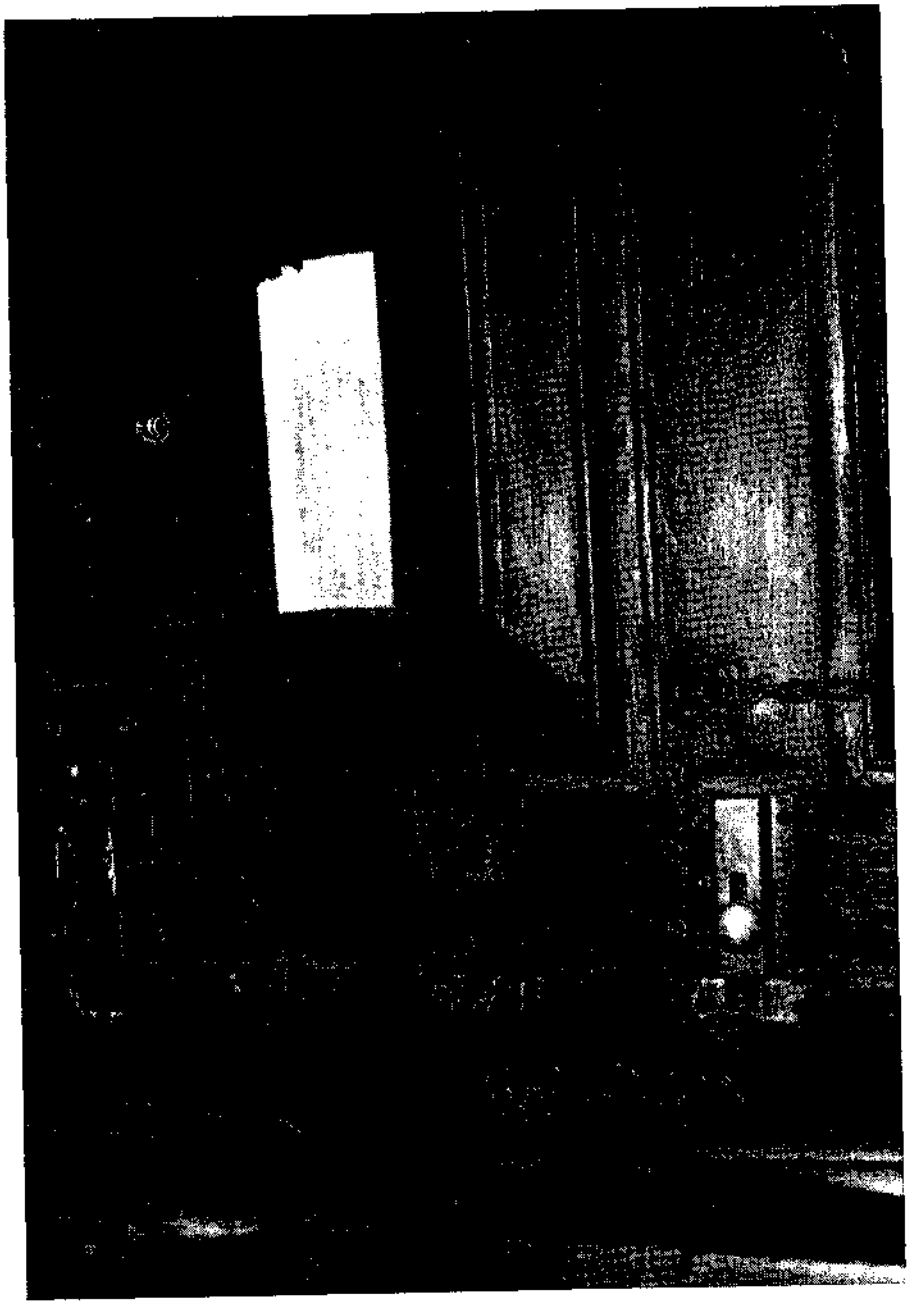
Со стороны соседа пользование чужим полотенцем было бы расценено не просто как разгильдяйство, а как злонамеренность; со стороны же гостя это вполне объяснимый поступок, ведь подозревающий гостей и сам, оказавшись гостем, поступил бы так же.

---

[10] У внешнего наблюдателя возникает вопрос, почему бы не оставить только верхний замок, если нижний столь плох. Однако плохие замки, текущие краны и унитазы и подобные явления неустройства обычно не вызывают дискомфорта и желания что-то исправить у коммунальных жителей, в частности, потому, что починка или установка нового оборудования неизбежно требует громоздкой процедуры сбора средств и осуществления коллективного усилия (справедливого распределения, при котором каждый стремится, чтобы его вклад был не больше вклада другого, а вклад другого – не меньше его собственного).

Более того, по мнению жильцов, очевидно небезосновательному, подозрительный пришелец может, вероятно, покуситься на собственность





соседей с большей легкостью, нежели на собственность человека, которым он был приглашен. Вспоминая былые времена, когда, согласно распространенному стереотипному представлению, жили дружно (то есть, заметим, вспоминая те самые классические огромные перенаселенные коммуналки, быт которых отражен у М. Зощенко), наши пожилые информанты в ответ на вопрос о кражах припоминали преимущественно такие, где виноватыми были чужие, проникшие в квартиру – прежде всего, гости.

Другое неудобство, создаваемое гостями, состоит в том, что они неизбежно вступают в общеквартирную экономику ресурсов, пользуясь благами, но не делая своего вклада в порядок, чистоту, оплату электричества и т.п.. И без них «нечем дышать». Таким образом, гостеприимство в КК расценивается соседями как производимое за их счет. Ср. такие объявления (Кабаков 1993, 156; 152):

> ВНИМАНИЕ! Просьба не приводить посторонних людей (гостей) на кухню! Здесь и так НЕЧЕМ ДЫШАТЬ.
> [подпись:] Собрание жильцов квартиры №16

> Вниманию жильцов: Запрещается людям, ПРОЖИВАЮЩИМ БЕЗ ПРОПИСКИ, пользоваться местами общего пользования, как-то:
> кухней, туалетом и ванной комнатой
> или будет заявлено в милицию, как проживающих незаконно.
> [подпись:] Кв. комитет

Второе из объявлений касается не просто гостей, а людей, которые, например, приехали к кому-то из жильцов погостить. Эта категория потребителей квартирных благ вызывает у соседей особое раздражение – в отличие от гостей, которым никто не пытается запретить посетить, скажем, туалет, в данном случае «кв. комитет», будучи не в силах выселить этих иждивенцев или предотвратить использование ими ванной и туалета, вынужден прибегать к угрозе милицией. Заодно указывается и главная причина озабоченности: ущемляющее других жильцов систематическое участие в распределении общего блага (в данном случае, права пользоваться кухней, туалетом и ванной). В сущности, этот самодеятельный запрет[11] – заранее предъявляемый аргумент для неизбежного очередного скандала. Отмечая предмет озабоченности и потенциальный повод столкновений, объявления и инструкции вообще являются своеобразными заместителями публичных выяснений отношений. Поскольку же скандалы лишь отчасти опираются на рациональные аргументы и в значительной мере являются соревнованием в

---

11 Несколько более обоснованный, чем приведенный выше запрет пользоваться ванной по ночам, потому что милиция в советское время обычно реагировала на заявления о проживании в КК лиц там не прописанных.

находчивости и красноречии, аргументация и риторика объявлений зачастую включает в себя элементы словесного творчества.

Иного свойства достоверность присуща другим материалам инсталляции И. Кабакова – комментированным артефактам. Ниже мы обратимся к примерам из кабаковской коллекции «Кухонная летопись В.Д. Баранова» (Кабаков 1993, 42–96). «Летопись» строится как своеобразная музейная коллекция, собранная человеком, который не выбрасывал мусор и всякое барахло, а аккуратно заворачивал экспонаты в обрывок газеты и писал к каждому из них маленький комментарий. В результате каждая вещь оказывается слепком события или ситуации, несет на себе отпечаток клубка человеческих отношений. Сама идея такой коллекции, будучи остроумным концептуальным ходом со стороны художника, следует глубинным моделям коммунального сознания, проистекающим из отношения к хламу.[12]

Попробуем дешифровать несколько экспонатов из этой коллекции. С самого начала – с первого экспоната – читатель (зритель), чтобы понять, какой смысл придавался предмету коллекционером, вынужден вникать в оттенки авторского комментария, задумываться о практиках коммунальной повседневности: «*Старые наручные часы с продавленным циферблатом*. С этими часами вообще смешная история. Я их нашел в ванной на полке: кто-то мылся и забыл. И я написал объявление на кухне. И никто не назвал точно те часы, о которых я написал. Я оставил их у себя. 14.2.64» (Кабаков 1993, 44).

Повесить объявление – вроде бы вполне «культурный» способ информировать окружающих о находке и готовности ее отдать владельцу. Однако дальше мы понимаем из текста, что, во-первых, несколько человек заявляли свои права на находку; во-вторых, с каждым из них имела место процедура опознания, не предполагавшая предъявления предмета (т.е. заранее рассчитанная на то, что притязания могут быть необоснованными) и дающая нашедшему право вершить судьбы; и, в-третьих, рассказчик-коллекционер оставил часы себе, причем не из алчных побуждений воспользоваться часами или, например, продать их, а из специфического чувства справедливости. В результате часы так они никому и не достались, а попали в коллекцию в качестве сувенира. Стоит отметить, что к концу летописи читатель уже достаточно разберется в коммунальных нравах, чтобы понять, что в этой истории скрыто еще несколько пуантов: вообразив себе в красках «смешную историю» с часами, мы понимаем, что среди описывавших часы в ходе процедуры опознания (и, возможно, экспрессивно настаивавших на своем праве владельца) был, без сомнения, и настоящий

[12] Некоторые замечания о коллекционировании и психологической роли собирания всякого хлама см. в нашей заметке Утехин 2004в. См. также гл. 2 в работе Утехин 2004.

хозяин, потому что чужого человека, гостя, просто не пустили бы мыться в ванную комнату. Отметим и характерную для КК ситуацию, когда некая проблема (поломка, недостача или, как в данном случае, появление вещи) происходит без свидетелей («когда никого не было кругом»). Процедура выяснения и гипотезы, высказываемые соседями, всегда оказываются весьма показательны. Собственно, выяснение того, кто этот «кто-то», который сломал, напачкал, испортил, украл (или, реже, наоборот, оставил что-то) – один из самых животрепещущих вопросов коммунальной повседневности. В большинстве случаев у каждого из соседей есть на этот счет готовое мнение, которое не нуждается в доказательствах.

Красноречивость взятых из гущи коммунальной жизни мелочей материальной культуры, представленных в кабаковской коллекции, обусловлена потрясающей компрессией смысла, возможной лишь в художественном тексте: даже если не пытаться расшифровать все то, что очевидно подготовленному зрителю, а хотя бы постараться дать полноценный комментарий для не нюхавшего советской коммунальности иностранца, то каждому пункту летописи придется посвятить не меньше пары абзацев. Впрочем, художество тем и отличается от научного знания, что задевает струны души независимо от понимания умом.

Обратим внимание на то, что в целом ряде текстов-комментариев к входящим в «Летопись» экспонатам присутствуют слова «нарочно» (и «специально») применительно к действиям персонажей. Эти примеры интересны и с точки зрения человеческого содержания (т.е. иллюстрации вопросов из области экологии межличностного общения[13]), и с точки зрения того, как и какими – языковыми, дискурсивными – средствами ведется рассказ. Вообще говоря, подобно тому как некоторые действия и события предполагают ненамеренность («забыл», «споткнулся», «банка перевернулась»), некоторые в принципе подразумевают контроль со стороны деятеля (и, следовательно, «нарочность»), поэтому вовсе не обязательно в тексте мы увидим эксплицитные маркеры намеренности. Во многих примерах нарочность злонамеренных действий соседей заключена уже в семантике употребляемых глаголов, ср. «70. Николаевна забыла свой футляр от очков, а маленькая Коврова подошла и написала на нем скверные слова; [...] 76. Кто-то постоянно лазит и ворует продукты (крупу, сахар).» Поэтому маркеры намеренности появляются там, где речь идет о действиях, статус которых оказывается предметом интерпретации и может быть оспорен. Скажем, «сломать» или «толкнуть» можно нечаянно, а можно и специально. Злонамеренные действия соседей «на зло» друг другу являются ходами в повседневной борьбе:

---

[13] Применительно к внутрисемейному общению вопросы экологии коммуникации затрагивались в нашей работе Утехин 2004а.

6. *Темно-синяя эмалированная крышка от чайника.* А вот еще пример ужасного поведения Орловой, от которой нет никому покоя, сколько ни жалуйся. Прохорова, старая больная женщина, искала целый день крышку от своего чайника, даже плакала. А эта мерзавка бросила **нарочно** в помойное ведро и засыпала сверху бумагой. 14.2.64[14]

32. *Газовая конфорка.* Из-за этой конфорки был страшный скандал и драка потом, так Семенова кричала, что это ее конфорка не горит из-за Богатиной и та ее испортила **нарочно**!

66. *Алюминиевая солдатская кружка.* Нашли за трубой для воды от раковины, когда меняли плиту и раковину. Кто-то **нарочно** туда спрятал, а это кружка Николая Ведерникова, она ему очень дорога, он ее с войны принес. Какая-то сволочь у нас хотела подшутить над ним. 7.8.63

54. *Штаны женские синего цвета.* Степанова повесила утром над столом Прокофьевой Вали свои штаны, а та сняла их и положила **нарочно** перед дверью в квартиру, чтобы ноги вытирали. И говорила, что вода с них на ее стол капала. 16.V.64

Ср. также примеры, где рассказчик-коллекционер подозревает соседей в изощренной провокации: «68. Кто-то **специально** спрятал, чтобы на меня подумали, но не вышло почему-то; [...] 13. *Кусок газеты, испачканной чем-то черным.* Сегодня Алевтина опять нашла в каше утром этот обрывок бумаги грязной. А с утра в кухне никого не было. Может быть, она это **нарочно** делает? 19.VI.63»

Действие становится фактом, будучи упомянуто или рассказано. Оно оформляется в событие, осмысляется в терминах причинности и мотивации деятелей, оказывается зародышем сюжета, который может быть развернут в виде нарратива. Вопрос нарочности остро стоит при истолковании коммунальных отношений.[15] Поэтому попробуем для начала классифицировать возможные интерпретации действий. Естественно, что нарративы из коммунальной жизни могут включать в себя упоминания действий, в отношении намеренности либо ненамеренные (= случайные), либо намеренные. Такая тривиальная классификация не учитывает, однако, несколько важных для отношений соседей (и для развития сюжета) параметров. Это осознание/отсутствие осознания деятелем последствий действия, наличие/отсутствие чувства вины и – в качестве сюжетного продолжения действия –

---

[14] Заметим здесь указание на признаваемый частью коллектива статус соседки как человека, от которого «нет никому покоя, сколько ни жалуйся». Под жалобами имеются в виду, скорее всего, письменные обращения во властные инстанции разных уровней. Подробнее о жалобах от жителей ленинградских коммунальных квартир послевоенного времени, см. Утехин 2004б.

[15] Ср. 117. «Нарочно? [Приписка сбоку] Нарочно». Ср. также иллюстрация озабоченности автора неопределенностью ответственности: 96. «вдруг страшно зазвенело стекло, и влетел камень, никого не задел. Я выбежал во двор, но уже поздно. Непонятно – это специально в наше окно или в другое, а в нас случайно».

принесение/непринесение извинений в той или иной форме. Действия с учетом этих параметров распределяются по рубрикам, обозначенным в Таблице 1 («Классификация действий, причиняющих ущерб»).

Таблица 1. Классификация действий, причиняющих ущерб

	случайные								Неслучайные						
действия с т.з. контроля деятеля	А. неконтролируемые		Б. частично контролируемые (с нечаянным побочным эффектом)						В. вполне контролируемые (нормальные функциональные)				Г. Вполне контролируемые (нарочные; кому-то «на зло»)		
осознанность действия	-		+		+				+		+		+		
осознанность вредоносных последствий	-		-		+				-		+		+		
чувство вины в момент действия	-		-		-		+		-		+		-		
извинение post factum	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+/-

Некоторые иллюстрации из «Кухонной летописи» (Кабаков 1993):
А. «...Я ему помог рисовать, а потом банка перевернулась, и все вылилось на пол, и мать Коли устроила нам скандал.» (28);
Б. «Когда приходил ко мне Павел Яковлевич, пробовал починить мой стул. Ничего не вышло у него, только совсем доломал» (19);
В. «Постучался вчера Дурасов вечером и попросил резинку (чертил себе что-то). Я дал ему большую новую. Он отрезал себе большую часть без спроса, а мне дал этот обрезок» (77);
Г. «...эта мерзавка бросила нарочно в помойное ведро и засыпала сверху бумагой» (6).

В правой колонке таблицы расположены «нарочные» действия, специально направляемые на то, чтобы затронуть человеческие отношения. Как можно заметить, здесь имплицитно присутствуют еще некоторые параметры. В соответствии с одним из них (назовем его «демонстративностью») вредоносное действие либо производится по секрету, без свидетелей и, соответственно, не содержит прямого указания на авторство (интерпретирующий выдвигает гипотезы), либо же делается цинично и открыто – с тем, чтобы авторство было очевидно жертве.

Другой параметр касается не собственно ситуации, а ее дальнейшего развития, т.е. разворачивающегося сюжета (см. последнюю строку таблицы): наличия извинений и их характера. Отсутствие извинений в случае ненамеренного причинения ущерба может быть приписано жертвой либо осведомленности/неосведомленности виновника о факте нанесения ущерба, либо же соблюдению/несоблюдению этикетных норм. Но, во-первых, само несоблюдение этикетных норм может быть намеренным и, во-вторых, извинение, даже если оно принесено, может быть неискренним или цинично-

насмешливым (этому случаю соответствует нижняя правая клетка таблицы).

Вообще говоря, извинения, приносимые жертве виновным, выбраны здесь в качестве иллюстрации лишь одного из возможных элементов в сюжетном развитии ситуации нанесения ущерба. Но этот выбор не случаен. Он отражает тот факт, что речевое действие (в сущности, это может быть любое высказывание) не просто может оказываться поступком и событием (что тривиально), но и оказывается таковым с большей вероятностью, чем в иных коммуникативных средах. Потому что атмосфера всеобщей подозрительности, атмосфера ожидания и параноического поиска враждебных смыслов в словах окружающих способствует тому, что любые действия, а слова – особенно, получают коннотации, производные от отношений соседей. Слово автоматически оказывается жестом. Жест извинения фиксирует ситуацию и не дает ей развиваться дальше, снимает или временно нейтрализует пагубные последствия события в плане межличностных отношений,[16] тогда как отсутствие извинения подталкивает ответное действие «на зло».

Склонное к действиям «на зло», параноидальное коммунальное сознание склонно и «сдвигать вправо» в пределах нашей таблицы действия ближнего, т.е. интерпретировать ненамеренное как намеренное, приписывать злой умысел действиям, вызванным неосторожностью, невнимательностью или глупостью; видеть жест в практическом, функциональном действии.[17] Однако этим операции, которые душа параноидального коммунального субъекта склонна производить при интерпретации событий, не исчерпываются. Самое, пожалуй, примечательное состоит в том, что действие, интерпретируемое как вредоносное, совсем не обязательно имеет место в реальности: параноидальное сознание выискивает и находит в окружающей действительности признаки того, что действия, описываемые правой колонкой нашей таблицы, были осуществлены, осуществляются или могут быть осуществлены в будущем – по отношению к нему (субъекту сознания) и принадлежащему ему имуществу. Таким образом, событие может усматриваться на пустом месте, ср.

---

16 Это происходит если извинение (или другой жест примирения) сработало, то есть было принято. Ср. из 72: «Черкусова, чтобы помириться с Дуевой, решила подарить ей браслет на день рождения. А та ни слова ни говоря, ни спасибо не сказав, молча швырнула ей этот браслет на стол, а та заплакала навзрыд и ушла к себе.» Браслет же («*Поломанный посеребренный браслет*») оказался в коллекции; нам остается гадать, был ли браслет сломан до момента дарения, или же сломался в ходе неких неизвестных нам событий, имевших место после описанного события, но прежде попадания браслета в коллекцию.

17 Ср. «113. *Нож от мясорубки*. От мясорубки, нашли в раковине, в трубе. Бросают туда всякую дрянь, а потом заливают вниз, и жалобы снизу. 15/VI 63» Как если бы ножи от мясорубки кто-то бросал в сток раковины специально.

110. *Пластмассовый футляр от очков, сломанный.* Утром Голубева страшно била своего сына в коридоре, потому что ей показалось, что он нарочно спрятал ее очешницу куда-то. Он страшно кричал, никто не мог понять ничего, а потом она сама нашла свою очешницу за кухонным столом, когда убирала: она ее оставила и сама не заметила. (7 апреля 1964 г.)

Ситуации, аналогичные описанной выше, случаются в КК систематически, причем голословные обвинения в краже, издевательстве или нанесении ущерба адресуются соседям. Показательно, что если обнаруживается, что кражи на самом деле не было, извинения за безосновательные обвинения следуют отнюдь не всегда.

Для обозначения специфической картины психического расстройства, встречающегося преимущественно у пожилых жителей КК, в психиатрии был предложен термин «параноид жилья» (Медведев 1990). Клиническая картина включает в себя различные проявления бреда и галлюцинаций, связанных с местом проживания («кухонная тематика») и с отношениями с соседями. И тематическое наполнение бреда, и само происхождение расстройства может быть сопоставлено с тем обстоятельством, что в условиях КК приватная сфера индивида оказывается редуцирована и проницаема.[18] Неприкосновенность имущества поэтому особенно остро ощущается как эквивалент неприкосновенности границ личности, так что и нормальные, не затронутые психопатологией жильцы ревностно охраняют свое имущество от посягательств, в том числе и в тех случаях, когда материальная ценность этого имущества ничтожна.[19] В сфере имущества, собственности, прежде всего и проявляется параноид жилья. Нормальные отношения между людьми в этой сфере опосредованы различными формами обмена – будь то дарение или получение подарков, одалживание, обмен в строгом смысле слова и т.д. Патология не просто многократно усиливает обычные для КК бдительность и ревностность в охране своего имущества, но и накладывает ограничения на способность субъекта полноценно общаться с другими людьми, в том числе и участвовать в формах обмена, предполагающих взаимность. Бредовая интерпретация реальности заставляет повсюду усматривать «нарочность» – злые намерения окружающих и свидетельства действий, наносящих ущерб имуществу и личности субъекта; в результате он видит себя средоточием забот окружающих – жертвой краж, порчи имущества, подмен и издевательств.[20]

---

[18] Более подробно об это см. в работах Утехин 1999; 2001.

[19] Столь же эмоционально нагружено и стремление к справедливости распределения затрат, хотя речь может идти о копейках.

[20] И хотя бы таким образом компенсирует собственную неспособность к нормальной коммуникации: он видит, что окружающие только и думают о том, чтобы вступить с ним в контакт. Другое дело, что этот контакт принимает такие уродливые формы.

Все то, что делал бы нормальный коммунальный житель, окажись он жертвой таких систематических злонамеренных действий, делает и больной, только с удвоенной энергией: изобретает сложные способы защиты, строит ответные козни,[21] мстит, пишет многочисленные жалобы во все инстанции. Однако он отталкивается от своей, только ему видимой реальности и, в сущности, борется с собственной тенью. Иначе говоря, анализ стереотипов нормального поведения позволяет утверждать, что логика поведения патологического субъекта в принципе не отличается от нормальной логики поведения в коммунальном сообществе, а лишь представляет собой перенесение нормальных смысловых моделей на бредовую субъективную реальность, некритически воспринимаемую больными.

Получается, что хотя отнюдь не всем коммунальным жителям грозит, как зощенковскому персонажу или больным параноидными расстройствами, «буквально свихнуться» на коммунальной почве, их нормальное, «здоровое» состояние предполагает повседневное существование в среде, богатой элементами коммуникативной патологии. Сама по себе эта среда, создаваемая недоверием и предполагающая перевод слова или действия в жест, предоставляет большое разнообразие сюжетных коллизий, вырастающих из казалось бы самых незначительных мелочей быта.

Литература

Жолковский А.К. 1999. *Михаил Зощенко: поэтика недоверия*. М.

Кабаков И. 1993. *На коммунальной кухне. Новые документы и материалы*. Париж.

Медведев А.В. 1990. «Бредовые и галлюцинаторные расстройства при поздних психозах, протекающих с картиной 'параноида жилья'», *Журнал невропатологии и психиатрии*, 9, 62–66.

Рубинштейн Л. 1998. «Коммунальное чтиво». *Итоги*, 12 мая, 54–58.

Утехин И.В. 1999. «'Параноиды жилья': заметки о культурных детерминантах психопатологии.» *Мифология и повседневность*. Вып.2. Материалы научной конференции. 24–26 февраля 1999. Сост. и ред. К.А. Богданов, А.А. Панченко. СПб., 352–367.

Утехин И. 2004. *Очерки коммунального быта*. М. (2-е издание, испр. и доп.)

Утехин И. 2004а. «Язык русских тараканов (к постановке вопроса)», *Семейные узы: Модели для сборки*. Кн.1. Сост. и редактор С.Ушакин. М., 452–490.

Утехин И. 2004б. «Из наблюдений над поэтикой жалобы», *Studia Ethnologica* (Труды факультета этнологии ЕУСПб), 274–305.

Утехин И. 2004в. «Любимые вещи», *Неприкосновенный запас*, 1 (33), 95–99.

---

[21] В том числе, например, пытается подловить обидчиков методом, описанным в известном зощенковском рассказе «На живца».